

РШЖ

Preis
1.50
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber: I. Nessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цѣна. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 20 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылными ежедневно на домъ — 30 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью — 50 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Во Францію, Бельгію, Голландію, Данію, Норвегію, Швецію, Англію, Италію, Швейцарію, Испанію, Америку; — 80 герм. мар.: Финляндію, Литву, Вѣнгрію, Чехо-Словакію, Румынію, Эстонию, Латвію, Юго-Славію, Болгарію, Турцію, Польшу, Грецію — 60 герм. мар.: Австрію — 50 герм. мар. въ мѣсяцъ. Для иностранн. скидка въ 3 мар. въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: основная плата 4 м. за строку непарели (ширина строки — одна двѣнадцатая часть страницы) и 50%, прибавки на дороговизну — итого 6.— мар., для врачей, присяжныхъ поверенныхъ, ищущихъ мѣсть и для розысковъ пониженные цѣны. При крупныхъ заказахъ указанные цѣны не обязательны. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a, а также и въ редакціи газеты „Рулъ“, Berlin SW 68, Markgrafenstrasse 73. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 12 до 13 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

При ближайшемъ участіи **I. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.**

№ 406-й

Пятница, 17 (4) марта 1922 г.

2-й г. изд.

Театральные наброски.

Московские художники.

Темно въ театрѣ послѣ свѣтлой, уже весенней, улицы и особенно какъ то востро глядѣть зрительный залъ, разукрашенный въ стилѣ «экспрессионизма» для публики — такъ убрали у насъ когда то дорожки сахарные торты. Темно и неуютно.

А вотъ открылся. первый занавѣсъ — и брызнуло въ глаза такимъ весеннимъ свѣтомъ, что сразу забыть и про безвкусный залъ, и про лучи прожектора, замѣняющіе настоящее солнце. На сценѣ играла — переливалась другая весна. Спектакль молодыхъ художниковъ. И когда вспоминалась яркая улица, чудилось, что спектакль этотъ одинъ изъ тѣхъ пльнотильныхъ утренниковъ на Паскѣ, которые вотъ уже сколько лѣтъ не могутъ уйти изъ памяти — утренникъ того времени, когда слово «театръ» произносилось не шпато, какъ благовѣйно-торжественнымъ шепотомъ и готовились къ этому театру за неделю, а то и за двѣ.

И публика казалъ то особенная. свѣжая: больше молодежь, а то и совсѣмъ дѣти. Сидятъ спокойно, волнуется. Или вотъ моя соседка-дѣвочка лѣтъ восьми, какъ усѣлась плотно вначалѣ, такъ и просидѣла до конца не двигаясь — ли за что не хотѣла выйти въ антрактъ! А по спинамъ глазамъ было видно, что это утро необыкновеннымъ подаркомъ вошло на всю жизнь и дальше его уже никакіе фокустры не выбьютъ. Помню такую «Синюю птицу»: солнце разбросалось пятнами по корячковому полу, по стѣнамъ съ лицами строгихъ писателей, по вѣнкамъ изъ заграничны; а за окнами талла пшена и стекла съ крышъ. Больше ячего — то, кажется, одно изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній, чѣго бы не отдалъ за него.

Такъ и теперь. Милый спектакль, дарящій праздникомъ. Весна на улицѣ, на сценѣ, въ залѣ... Единый ароматъ, создающій теплую, ласковую прелесть и упоющій надолго.

«Шутить и вѣкъ шутить»... — постѣ посвященію ряда кабаръ, этотъ спектакль давалъ особое ощущеніе. Серьезные люди захотѣли, чтобы мы улыбулись вместе съ ними и добились этого очень просто — безъ пышности декораций, безъ бутафорій, безъ шутовства. Сдѣлали темный фонъ, поставили столъ, стулъ, вышли — на те, смѣйтесь! И мы засмѣялись. Великое ихъ искусство — кто насъ теперь сможетъ заставить смѣяться хорошо?

А вѣдь вещи то были поставлены совсѣмъ старая, заигранные; и тѣмъ опас-

нѣе, конечно, быть этотъ опытъ надъ нами и тѣмъ больше побѣда художественниковъ.

Вотъ «Счастливы конецъ» Чехова; но развѣ можно забыть въ немъ этого типичнѣйшаго оберъ-кондуктора — Тарханова, вѣдь все въ немъ до послѣдней мелочи живость настоящей жизни — приходилось уже говорить объ этомъ большомъ артистѣ въ этой небольшой ролькѣ. Теперь она кажется еще больше до конца сдѣланнымъ *chef d'oeuvre* отъ. Такъ же не забыть и милую, румянистую, такую московскую — а вѣдь почти безъ словъ! — сваху — г-жу Скульскую.

Дальше ожило старое «Предложеніе». Презабавнѣйшій и безъ капельки шаржа Павловъ — Чубуковъ. Это былъ «смотрѣль въ окно и мухъ давить» — сошедшій изъ рамы портретъ, характеръ котораго и безъ словъ виденъ. Г-жа Гротъ показала, какъ можно безъ фарса и грубости дать полный типъ въ этой роли — жалъ, что театръ не былъ пѣсенкой исполнительницы «Предложенія» — Штраубъ. И очень хорошъ г. Васильевъ — Ломовъ.

Распѣлъ и старый водевиль «Два труса». Превосходенъ г. Александровъ — старикъ-отецъ и простакъ — г. Комиссаровъ, давшій чудесный, полузабытый уже образъ простака «водевиля съ пѣніемъ». Это — два труса; а между ними изящная и граціозная г-жа Орлова, съ большой легкостью изображавшая «себя на умѣ» дочку и лужавая — почти изъ Мольера — капристка г-жи Соловьевой. Удаченъ и г. Жилинский. Г-жа Книпперъ прочтала «Рассказъ г-жи N. N.» и въ ея исполненіи она еще болѣе туповато отлавала запахомъ свѣтскошеннаго сѣна и грозы; артистка сумѣла сплести передать все настроеніе разсказа, захватить публику и стало понятно грустно, когда артистка, несмотря на шумныя просьбы, ограничилась этой одной вещью. Хотѣлось слушать еще.

Выразительно прочтала стихи Пушкина и «Тарантеллу» г-жа Тарасова.

Конечно, были общіе недостатки: «Предложеніе» было мѣстами слегка «пжато», а водевиль (за счетъ «Предложенія») иногда «спереживался», да и слѣдовало бы его сократить; г-жа Тарасова не совсѣмъ ловила плясучій ритмъ «Тарантеллы» — но все это мелочи, о которыхъ не хочется вспоминать. Ощущеніе одно: — Весна на улицѣ, весна въ театрѣ.

Ю. Офросимовъ.